

А.А. Моякунова

Из истории формирования национальной элиты в Якутии (конец XVII–XVIII в.)

Ключевые слова: национальная элита, «элита крови», аристократия, элитология, интеграция, доиндустриальное общество.

Keywords: national elite, Yakutia, rights, privileges.

Проблема элиты в современной России находится в центре исследовательских интересов уже почти 20 лет. Термин «элитология» – это российская новация, введенная в научный оборот в 80-х гг. и получившая широкое распространение в 90-х гг. Это комплексное междисциплинарное знание, интегрирующее достижения социальной философии, социологии, политологии, всеобщей истории, социальной психологии. В настоящее время в российской элитологии ведутся плодотворные дискуссии о том, произошла ли в России смена элит в 90-х гг., о качестве элит, о том, применим ли термин «элита» к политическому руководству России, является ли постсоветская элита сложившимся социальным слоем или же она находится в начале своего формирования, о степени отчуждения, существующего между элитой и народом и т.д.

Настоящая статья является попыткой проследить становление якутской национальной элиты с момента ее зарождения (конец XVII – XVIII в.). Данная проблема только начинает разрабатываться. В российской историографии рассматриваются проблемы понятия «элита», ее судьба в символическом пространстве и времени. В якутской историографии пока идет обмен мнениями: была ли сформирована национальная элита или нет, если да, то в какие хронологические рамки.

Переходя к рассмотрению данной проблемы следует начать с того, что якутские племена, жившие до прихода русских казаков, не представляли собой государственного объединения. Как мы знаем из якутских преданий, XVII в. определяется эпохой Тыгына и тыгынидов. А.П. Окладников назвал его «якутским царем». По материалам Я.И. Линденау, наследником титула правящего рода, тойон-ууса, стал Тыгын, младший сын Мунньан Дархана. Старшие братья Тыгына были крайне раздосадованы тем, что отец отнял у них преимущество в наследовании его прав, и поссорились с Тыгином. Ссора же сыновей Мунньан Дархана вызвала волнение в народе. Междоусобные распри между наследниками Мунньан Дархана во второй половине XVI и в начале XVII в. привели к эпохе войн и раздоров – кыргыз үйэтэ [1, с. 28], т.е. можно утверждать, что до конца XVII в. в Якутии не было той социальной группы, которую можно было бы определить в качестве национальной элиты, а была так называемая верхушка.

Сам факт того, что происходили распри из-за земель предводителя всех родов, говорит об отсутствии в то время условий создания государственного объединения. Историческим толчком стало вмешательство извне в лице русского, доселе невиданного «цивилизованного» народа, ускорившего внутренний процесс консолидации местных племен, который можно назвать элементарным рефлексом самозащиты перед неизвестностью и опасностью. Именно в этот момент самозащиты из остальной массы выделяются по-настоящему лучшие люди, от которых сейчас и в будущем будет зависеть судьба народа.

Для того чтобы рассмотреть судьбу самих так называемых лучших людей, следует обратиться к типологии элит американского социолога Д. Белла [2, с. 454], по которому существуют: 1) «элита крови» (аристократическая элита соответствует рабовладельческому и феодальному, т.е. «доиндустриальным» обществам); 2) «элита богатства» (капиталистическая элита «индустриального общества»); 3) «элита знаний» (соответствует «постиндустриальному» обществу).

Согласно данной типологии, в Якутии к моменту ее присоединения в состав Российского государства существовала так называемая элита крови, к которой причисляли лучших людей.

Переходя к рассмотрению поставленной проблемы, хочется обратиться к работе Андреаса Каппелера [3, с. 21–23], где отмечалось, что Российская империя с конца XVII – начала XIX в. расширялась, подчиняя своей власти новые периферийные территории и приумножая таким образом свою гетерогенность. Тогда в Российской империи возникла необходимость дополнительного урегулирования отношений с национальными элитами вновь завоеванных территорий параллельно с урегулированием отношений центра с национальными элитами ранее присоединенных периферийных регионов. Для сохранения целостности империи принципиальное значение имело то, каким образом осуществлялся контроль над существовавшими элитами населения на имперской периферии и насколько выгодно империи использование их специфических качеств. Здесь существовало множество стратегий. Самой жесткой формой контроля являлось устранение иноэтнических периферийных элит посредством физического уничтожения, депортации или полного лишения властных полномочий. Этот способ использовался, как правило, исключительно в ходе военного завоевания новых территорий или

военного подавления повстанческого движения. На более ранней стадии Россия придерживалась стратегии полной депортации элит на русских окраинных территориях (Новгород, Тверь, Псков). В середине XIX в. та же стратегия применялась к мусульманам Кавказа, например к черкесам, которых физически уничтожали или вынуждали к переселению в соседнюю Османскую империю.

Но Российское государство не ко всем своим перифериям относилось так жестоко, например, присоединя к своей огромной территории обширнейшую и богатейшую территорию Якутской земли [4, с. 10] с ее аборигенным населением, Российское государство не применило, как считает большинство специалистов, военной, силовой стратегии присоединения, т.е. вхождение Якутии в состав Российского государства было добровольным. Такое лояльное отношение можно объяснить тем, что к моменту присоединения Якутии в состав Российского государства у местного населения не было той социальной группы, которую можно было бы отнести к национальной элите. По крайней мере служилым русским казакам верхушка местного населения, т.е. князцы, не составляла равной конкуренции (по многим объективным причинам).

Однако гораздо чаще имперский центр прибегал к политике кооперации с иноэтническими элитами, с помощью которых контролировались и управлялись вновь присоединенные территории. Предпосылкой тому являлась лояльность последних верховной власти и династии. Недостаток компетентных лиц среди доминантных центральных элит делал империю зависимыми от готовности иноэтнических элит сотрудничать в сферах управления и контроля над периферией, а также частично – в военной (армия) и бюрократической областях. Поэтому, как правило, за местными элитами сохранялись их права и привилегии (владение землей, местная юридическая система, самоуправление, свобода вероисповедания). Взамен верховная власть требовала от них исполнения военной и гражданской служб, а также обеспечения сбора налогов на местах. Стратегия кооперирования и рамки автономии, предоставлявшейся элитам периферии, определялись и изменялись в каждом случае индивидуально, для каждой отдельной окраинной территории [3, с. 23]. Но эти самые привилегии не коснулись так называемой элиты крови Якутии. В последующем этот, на первый взгляд, несправедливый факт станет отправной точкой для формирования интеллектуальной и политической элиты. Можно предположить, что именно процесс отстаивания этих привилегий привел к поэтапной интеграции Якутии в состав Российского государства.

Описывая политику Российского государства, Н.Н. Дьяконова [5, с. 240] пишет, что с момента присоединения к Русскому государству управление регионом осуществлялось согласно общероссийским

нормам, но с учетом особенностей и своеобразия местного населения. После включения Якутии в состав Русского государства в XVII в. и вплоть до XIX в. шел процесс интеграции ее в новое цивилизационное пространство. Обычно на присоединенных территориях сохранялись прежние социальные структуры, хозяйственно-бытовой уклад местного населения, проводилась лояльная политика по отношению к местной знати. По мнению Н.Н. Дьяконовой, многие исследователи считают, что «самодержавие не имело четко определенной имперской политики, она складывалась стихийно, постепенно, многовариантно, применяясь к политическим, экономическим условиям того или иного региона, учитывая при необходимости национальные особенности местного населения» [6, с. 17]. Таким образом, царизм проводил достаточно эффективную социально-национальную политику, не препятствуя процессу интеграции национальной аристократии в местные структуры власти.

Конечно же, политика интеграции автоматически легла на плечи местной аристократии, которые, защищая интересы своего рода и земли, вынуждены были держать тесный контакт с пришлыми сборщиками ясака. Остальная часть населения, надеясь на улучшение ситуации со сбором непосильного ясака, невольно доверила судьбу интеграции в руки местной верхушки. В этой кризисной ситуации немаловажную роль играет своевременная активизация части общества, состоящая из наиболее авторитетных, уважаемых людей, которые играют ведущую роль в выработке норм, определяющих функционирование и развитие социальной системы и ценности которой считаются образцом для всего общества. Это или носители традиций, скрепляющих, стабилизирующих общество, или в иных социальных ситуациях (обычно кризисных) – наиболее активные, пассионарные элементы населения.

Таким человеком, который выделился из всех «лучших людей» еще в середине XVII в., является сын казненного Бозеко Тынина Мазары Бозеков, который был внуком знаменитого Тыгына. В 1676 г. местные богачи Нокто Никин, Трек Орсукаев по инициативе Мазары Бозекова подали воеводе А.А. Барнешлеву челобитную о разрешении поехать в Москву и увидеться с самим русским царем. Получив согласие и будучи представленными царю Федору Алексеевичу, эти три князца 3 января 1677 г. подали челобитную о судебных правах. Как известно, князцы требовали этих прав не только для себя, но и для всех якутских князцов. 9 февраля 1677 г. в ответ на их челобитную последовал царский указ, допускавший участие тойонов в судебной деятельности. Согласно указу царя, якутским тойонам было разрешено участвовать в небольших судебных делах с суммой иска до 5 руб. В освобождении их самих от ясака было отказано. Отказ последнего говорит о том, что князцы, возможно, просили освободить их от уплаты пушного налога.

В следующем 1678 г. в Якутск поступил другой царский указ, по которому предоставлялось якутским «лучшим людям» право на участие в сборе ясака. Такое решение царя возможно благодаря успешному сотрудничеству местной аристократии с наместниками русского государя. Так, Мазары Бозеков и другие князцы добились частичной свободы от тяготившей их опеки воеводы и казаков.

Через три года, в 1680 г., в Москву вторично выехали тот же Мазары Бозеков, а с ним из Борогонцев Чюка Капчиков и из Мегинцев Чугун Бодоев в сопровождении соответствующей свиты. Кроме богатых подношений царю, князцы везли с собой много пушнины для обмена на московские товары. Известно, что один только Мазары Бозеков вез «50 сороков (2000) соболей, соболью шубу» и прочее. Возможно, с этого момента началась предпринимательская деятельность «кровной элиты», а значит, уже тогда появились предпосылки возникновения так называемой экономической элиты.

Во время этой поездки Мазары Бозеков добился подтверждения личных привилегий: особый царский указ предлагал писать его во всех случаях князцом. Кроме того, ему и другим князцам было дано право суда по мелким делам и управлению сородичами. Были подтверждены также их имущественные права и привилегии.

Таким образом, если раньше якутские князцы формально не имели судебных прав над своими сородичами, то в указах 1677, 1678 и 1680 гг. впервые было предписано судить якутов ясачными сборщиками при присутствии князцов, которые получили право участвовать в сборе ясака. Одним ясачным сборщикам судить без представительства князцов воспрещалось.

Можно смело предположить, что знатность Мазары Бозекова стала преемственной и является тенденцией, прослеживающейся во всех существующих элитах.

Так, правнук Мазары Бозекова Софрон Сыранов (после крещения Василий Вениаминович Сыранов) известен тем, что добился депутатства в Екатерининской комиссии по выработке нового Уложения (свода законов) России и как первый голова Кангаласского улуса.

23 октября 1768 г. на заседании Комиссии было объявлено об именном Указе императрицы «о принятии Сыранова в число прочих депутатов и о произведении ему надлежащего жалованья, так как «иные якуты не точно кочевые, но зиму прибывают в своих жилищах» [7, с. 52].

В результате вышеназванного указа В.В. Сырановым были составлены указы своих избирателей и представлены Комиссии. В наказах писалось о разорительности охоты на соболя, запасы которого истощились, что якутам для уплаты ясака приходится покупать соболей и лисиц у купцов, поэтому они просят натуральный ясак заменить денежным.

Однако В.В. Сыранов включил в свое ходатайство только три из всех вопросов: о подводной повинности, о содержании станций на Иркутском и Охотском трактах, о необходимости передачи сбора ясака якутским князцам. От себя добавил пять новых требований: о необходимости поощрения князцев, об освобождении старшин и князцов от уплаты ясака, о дозволении князцам ездить за свой счет в столичные города, об усилении судебных прав князцов и о том, чтобы незаконно взысканные с якутов накладные деньги засчитывать в ясачный платеж.

Большинство предложений В.В. Сыранова императрицей Екатериной II и царским правительством было удовлетворено. Как пишет В.Л. Серошевский, выработанные этой комиссией начала были положены в основу якутского самоуправления и удержались до 1896 г. почти без изменения. Это говорит о результативной работе депутата императорской комиссии В.В. Сыранова.

Таким образом, согласованные с царской администрацией права и привилегии «кровной элиты» явились немаловажным признаком формирования национальной элиты и их стремления к самоуправлению. Остановить это было уже невозможно.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что в 1789 г. в Якутске открылась приходская школа, которая явилась очагом грамотности на территории Якутии. Этому событию предшествовала поездка в 1788 г. на прием к Екатерине II головы Борогонского улуса Алексея Аржакова (1739–1834 гг.) для вручения ей «Плана о якутах с показанием казенной пользы и выгоднейших положений для них».

«План о якутах» состоял из описания «прежняго и нынешняго состояния» якутов. В плане А. Аржаков выдвинул ходатайства о необходимости установления должности якутского областного головы или предводителя. Он считал, что последний должен избираться из числа улусных голов или князцов так же, как губернский предводитель дворянства, и должен подчиняться непосредственно главному правителю наместничества и его канцелярии; об учреждении особого суда под названием собственного якутского суда, в состав которого вошли бы областной предводитель, отдельные улусные головы и наследные князцы; об освобождении якутов от повинности тянуть лодки по рекам, возложив эту обязанность «на ссыльных законопреступников»; об освобождении якутов также от содержания 36 станций по Иркутскому тракту, заменив их «присылаемыми российскими людьми»; о назначении на должность исправников таких лиц, чье «благоповедение в тамошнем краю было известно», и знакомых с языком и обычаями якутов; о необходимости учреждения в Якутске «училища для якутского народа, коих обучать российской грамоте и другим наукам... дабы оные впредь были годны на службу общественную и государственную и к просвещению сородцев своих»; о том, что следовало

бы узаконить право частной собственности на землю с передачей ее «на вечное владение тому, кто оную сначала обработал».

Кроме того, из общей сущности выдвинутых ходатайств вытекает и то, что автор «Плана о якутах» просил, чтобы императрица пожаловала якутских князцов и голов дворянством. При этом он ссылаясь на параграфы 1 и 20 царской «Грамоты дворянству» от 21 апреля 1785 г.

Императрица Екатерина II, рассмотрев «План о якутах» в специальном рескрипте на имя иркутского генерал-губернатора Пиля, указала, что выбор якутского предводителя может быть дозволен, так же, как открытие училища, заведение совестного суда и назначение исправника, если это можно, из лиц, знающих якутский язык [7, с. 55].

Таким образом, формирование якутской национальной элиты происходило в конце XVII – XVIII вв.

За это время якутская национальная элита стала главным действующим лицом процесса интеграции в российскую цивилизацию. Без ее деятельности невозможно представить подлинную национальную историю тех лет.

Несмотря на свою немногочисленность и неравное положение перед царской администрацией, именно вновь сложившаяся за столь непродолжительные сроки национальная элита явилась основным организатором и исполнителем важнейших общественно-административных и культурных мероприятий, проводимых на территории Якутии.

Во всех мероприятиях поэтапно прослеживается желание местной аристократии, выражающей интересы своих сородичей, добиваться права и привилегий, в ходе которого необратимым становится пробуждение национального самосознания и самоопределения.

Библиографический список

1. Гоголев, А.И. История Якутии / А.И. Гоголев. – Якутск, 2000.
2. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society / D. Bell. – N. Y., 1973.
3. Каппелер, Андреас. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) / Андреас Каппелер // *Ab Imperio*. – 2007. – №2.
4. Пестерев, В.И. Страницы истории Якутии в документах, легендах, мифах / В.И. Пестерев. – Якутск, 2000.
5. Дьяконова, Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. – 1917 г.) / Н.Н. Дьяконова. – Новосибирск, 2002.
6. Ремнев, А.В. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России / А.В. Ремнев, П.И. Савельев // *Имперский строй в региональном измерении*. – М., 1997.
7. Пестерев, В.И. История Якутии в лицах / В.И. Пестерев. – Якутск, 2001.